

Письма леди Рондо

**Супруги английского министра при российском
дворе, в царствование императрицы Анны
Иоанновны**

УДК 93
ББК 63.3
П35

П35 Письма леди Рондо: Супруги английского министра при российском дворе, в царствование императрицы Анны Иоанновны / – М.: Книга по Требованию, 2013. – 128 с.

ISBN 978-5-518-07001-1

ISBN 978-5-518-07001-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПИСЬМО I.

С. Петербургъ, Февраля 30-го 1729—30.

Милая моя,

Вы думаете, что прежнія церемоніальныя привѣтствія для насъ уже кончились; — такъ думать извинительно такой любительницѣ философіи, какъ вы; по крайней мѣрѣ я теперь могу дать вамъ отчетъ въ моемъ пребываніи въ той странѣ, въ которую увлекла меня моя блуждающая планета. Не уступая волненіямъ души, идя рука объ руку съ моимъ неразлучнымъ другомъ — слабымъ разсудкомъ, я помню всегда моихъ друзей, мою отчизну, не смотря на то, что повидимому равнодушно рассталась съ нею. Теперь я испытываю дѣйствіе моей приверженности къ отечеству, которая тѣмъ сильнѣе, что она подавлена была въ груди моей, во время роковой нашей разлуки. Какъ бы то ни было, я знаю вашу добрую душу, вы не имѣете другой слабости нашего пола, кромѣ снисходительности къ своимъ друзьямъ и потому надѣюсь, будете снисходительны и ко мнѣ, читая описанія лицъ и предметовъ, которыя я намѣрена представить въ томъ видѣ, какъ они находятся предо мною

Начну съ лицъ : такъ какъ по кратковременности моего здѣсь пребыванія я еще не столько познакомилась съ Русскимъ языкомъ, чтобы могла на немъ объясняться, то я и могу судить о людяхъ еще только по наружности. Здѣшніе жители вообще крѣпкаго тѣлосложенія, средняго роста и большею частію красивой наружности. Впрочемъ въ лицахъ ихъ я не нахожу большой выразительности. Что касается до Петербурга, то этотъ городъ прекрасно расположенъ и стоитъ на большой рѣкѣ, именуемой Невойю ; какъ далеко лежитъ онъ къ Северу, Востоку, Западу, Югу, не скажу ни слова, хотя бы вы и хотѣли опредѣленія точнаго. Его составляютъ три острова : на первомъ находится адмиралтейство, отъ котораго эта сторона и получила названіе ; здѣсь же лѣтній и зимній дворцы ; второй островъ называется Петербургскимъ, на немъ построена крѣпость и прекрасная церковь, въ которой погребены : Петръ первый, вашъ любимый Герой, Императрица Екатерина и нѣкоторые изъ его дѣтей. Третій островъ называется Васильевскимъ, на которомъ находятся биржа, присутственные мѣста и другія общественныя зданія ; здѣсь назначено селиться купечеству ; дома и улицы въ городѣ весьма красивы, но большею частію еще не населены. Адмиралтейская Часть есть самая населенная ; Зимній Дворецъ малъ, и образуетъ собою циркуль. Онъ нисколько не красивъ и внутри раздѣленъ на множество малыхъ, худо расположенныхъ комнатъ, и не представляетъ ничего замѣчательнаго ни по Архитектурѣ, ни по живописи, ни

по мебели Лѣтній Дворецъ еще меньше и хуже, исключая сада, который красивъ и судя по странѣ прекрасенъ, съ пріятною тѣнью и водою; я не могу дать вамъ лучшаго объ немъ понятія какъ сравнивъ его съ нашимъ Англійскимъ Баутономъ. Въ одной миле отъ города есть монастырь Св. Александра Невскаго. О жизни сего Святаго я ничего не знаю; но монастырь начатъ Петромъ Первымъ, и когда построится, будетъ очень хорошъ. Въ честь Св. Александра Невскаго Петръ учредилъ орденъ того же имени. Это второй орденъ; знаки его носятъ на красной лентѣ. Нева протекаетъ подлѣ монастырскаго сада и выходитъ изъ города очаровательными изгибами, которые съ вашею поэтической душою будутъ вѣчно бесѣдовать. Въ городѣ есть прекрасные дома, принадлежащіе дворянству, но они теперь, въ отсутствіе двора стоять пусты, при многихъ есть хорошіе сады; близъ одного изъ нихъ я теперь живу, и часто прогуливаюсь; здѣсь я размышляю о томъ, что оставлено мною въ отечествѣ, но я слышу вашъ голосъ, — вы говорите: «прочъ съ своею слабостію, продолжайте вашу исторію» я вздыхаю и повинуюсь. Такъ какъ мы прибыли сюда еще только за недѣлю, (съ семействомъ Г. В., съ Г-номъ Р. и еще одною дамою) то я очень удивилась услышавъ надежды, что наши коляски готовы отправиться въ путь, я должна была повиноваться. Въ первые дни, мы отправились посмотреть бумажныя фабрики; я особенно любовалась картиннымъ ихъ мѣстоположеніемъ истинно очаровательнымъ. Здѣсь

нѣтъ трактировъ. Человѣкъ занимающійся фабриками принимаетъ всѣхъ посѣтителей, и получаетъ за то пособіе отъ правительства. Намъ подали хорошій ужинъ и отвели двѣ просторныя комнаты для ночлега; комнаты наши устланы были соломой, на которой и были постланы постели. Такъ жили мы во все время нашего путешествія. Въ слѣдующій день мы отправились въ село Петергофъ, принадлежавшее Царю; тамъ небольшой дворецъ стоитъ на горѣ вышиною въ 60 футовъ, на пол-мили отъ моря! Долина, между дворцомъ и морскимъ берегомъ, покрыта густымъ лѣсомъ, который прорѣзанъ дорожками и аллеями, съ водопадами и фонтанами по большому проспекту; передъ дворцомъ проведенъ въ море каналъ, на морскомъ берегу много прекрасныхъ лѣтнихъ домовъ *), изъ дворца видны Кронштатская пристань и берега Финляндіи; во дворцѣ живопись очень хорошая, но отъ небреженія испорчена. Мы скоро поѣдемъ въ Москву; оттуда вы ожидайте отъ меня еще скучнѣйшаго письма, милая, ваша и проч.

---

*) Одинъ изъ сихъ лѣтнихъ домовъ, замѣчательный по любопытной живописи, называется *mon plaisir*.

ПИСЬМО II.

Москва, Апрель 1730.

Милая моя,

Повинуясь вашему приказанію, я, безъ всякаго вступленія, представлю отчетъ о моемъ путешествіи изъ Петербурга въ Москву. Мы выѣхали изъ дому 5 Марта въ саняхъ; это экипажъ, сдѣланный изъ дерева, на подобіе колыбели и обитый кожею; въ немъ можно лежать какъ въ постель, одѣвшись одѣяломъ; жаль что въ саняхъ не можетъ помѣститься болѣе одного человека, это лишаетъ удовольствія имѣть общество. Мы ѣхали днемъ и ночью и прибыли въ Москву 9-го числа. Вы скажете, мы очень скоро ѣхали? что на это отвѣчать? не находя для отдыха хорошаго помѣщенія въ дурныхъ комнатахъ, мы на станціяхъ перемѣняли только лошадей; кушаньемъ же на всю дорогу запаслись дома. Народъ весьма учтивъ, но такъ угнетенъ бѣдностію, что едва виденъ въ немъ образъ человѣческой. Если исключите хижины, расположенныя на некоторомъ пространствѣ вокругъ почтовыхъ дворовъ, то вамъ представится страна пустынная, въ которой нѣтъ ни городовъ ни го-

стинницъ. Густой лѣсъ, покрытый снѣгомъ, представляетъ какую то очаровательную картину; я часто воображаю, что снѣгъ на древесныхъ пняхъ и вѣтвяхъ превращается въ многоразличныя фигуры! Между прочимъ я видѣла медвѣдей и волковъ, которые теперь царствуютъ въ лѣсахъ. Я часто желала видѣть въ сихъ мѣстахъ васъ, вы нашли бы здѣсь меня, влюбленную въ морозы, которыхъ въ самомъ дѣлѣ нечего бояться; я должна просить у васъ извиненія, сказавъ, что мы не проѣзжали чрезъ города. Мы ѣхали чрезъ Новгородъ и Тверь; первый замѣчательный монастыремъ Св. Антонія, который по преданію пріѣхалъ сюда изъ Падуи *) и привезъ съ собою сокровища для построенія монастыря; внѣшность его не имѣетъ ничего замѣчательнаго, а внутренности я не видала. Тверь весьма веселый городъ, стоитъ на берегу Волги, на склонѣ небольшой возвышенности; строеніе въ немъ также деревянное, дома очень чисты. До сихъ поръ я ничего еще не сказала о городѣ въ которомъ теперь живу, и такъ сдѣлаю маленькое его описаніе. Императоръ посѣщаетъ Москву рѣдко, потому здѣсь нѣтъ собраній, какія бывають при дворѣ; кажется что Государь любитъ больше охоту. Главный любимецъ его Князь Долгорукій, который особенно старается занимать его этимъ увеселеніемъ, опасаясь, чтобъ не быть устранену при малѣйшемъ отсутствіи. Шесть мѣсяцевъ назадъ юный Монархъ

---

*) Не изъ Падуи, но изъ Рима, какъ свидѣтельствуесть Исторія нашей церкви. Перев.

лишился единственной сестры своей, Великой Княжны Наталіи, дѣвицы необыкновеннаго ума; съ тѣхъ поръ онъ совершенно подчинился власти этого молодаго вельможи, котораго, какъ я слышала, ничего не имѣетъ отличнаго, кромѣ титла. Меня неоднократно посѣщали старинные знакомцы В...., и одна придворная дама время вашего Героя. Она съ чрезвычайнымъ искусствомъ рассказываетъ мнѣ объ немъ нѣкоторыя частныя происшествія. Я расскажу вамъ одну такую исторію, она нѣсколько длинна, но по моему мнѣнію, хорошо изображаетъ его благородный характеръ. Онъ любилъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ со всею нѣжностію дочь одного Офицера, по имени Мунса, и казалось былъ взаимно любимъ ею. Въ одинъ несчастный день онъ пошелъ осматривать крѣпость, строившуюся на морѣ, въ сопровожденіи своихъ и чужестранныхъ Министровъ; на возвратномъ пути Польскій Министръ случайно упалъ въ воду съ подъемнаго моста и утонулъ, не смотря на всѣ усилія спасти его. Императоръ, приказавъ вынуть всѣ бумаги изъ его кармановъ, запечаталъ ихъ въ присутствіи всѣхъ. При дальнѣйшемъ осмотрѣ выпалъ портретъ; Государь поднялъ его и представьте его удивленіе! — Портретъ изображалъ его любезную. Онъ тотчасъ разламываетъ конвертъ, развертываетъ бумаги и находитъ многія письма руки ея къ умершему, написанныя въ самыхъ нѣжныхъ выраженіяхъ; оставивъ общество онъ вбѣжалъ въ комнату моей раскасчицы и приказалъ послать за измѣнницею. Когда она вошла, онъ заперъ дверь

и оставшись въ троемъ, спросилъ, для чего писала она къ такому лицу?» она заперлась, но онъ показаль портретъ и письма, и когда сказалъ о смерти ея любовника несчастная залилась слезами. Государь въ порывѣ страсти началъ укорять ее въ неблагодарности; измѣнница ожидала наказанія, но вдругъ у него самого поплись слезы, онъ сказалъ: «забываю все, я также имѣю слабости: я васъ не могу ненавидѣть, и обвиняю только собственную мою довѣрчивость. Продолжать мою любовь съ вами, значить унизить себя; прочь, я умѣю примирить страсти съ разсудкомъ. Вы ни въ чемъ не будете нуждаться, но я съ сихъ поръ васъ уже не увижу.» Онъ сдержаль слово; скоро она выдана за одного чиновника, которому дана должность въ отдаленной провинціи; Монархъ заботился объ ихъ счастіи до конца жизни и оказываль къ нимъ постоянно свою любовь. — Я желаю, чтобы вы прочли эту исторію Б. . . . .

ПИСЬМО III.

Москва, Ноября 4-го 1730.

Милая моя,

Последнее письмо ваше исполнено и нѣжности и жестокости. Въ немъ вы показали доброту сердца, извѣщая о многихъ моихъ подругахъ, но запрещаете говорить мнѣ съ ними, совѣтоваться о чемъ либо, требуя повелительно, чтобъ я отвѣчала однѣмъ вамъ, — право, это тиранство, но я должна повиноваться. — Первый вашъ вопросъ: «въ какомъ я обществѣ?» на это съ трудомъ могу отвѣчать. Я обращаюсь ежедневно съ людьми высшаго круга. У жены Польскаго Министра каждый вечеръ бывають собранія, куда съѣзжается множество хорошихъ людей, но къ величайшей досадѣ они занимаются болышею частію игрою въ карты, впрочемъ къ игрѣ никого не принуждаютъ. Я всегда удивляюсь, какъ люди, одаренные высокимъ умомъ, предаются этимъ столь опаснымъ забавамъ. — Не имѣю нужды говорить, что я здѣсь только зрительница и наблюдательница человѣческихъ слабостей, какъ вы знаете, и какъ дѣвица Белль при-

выкла называть меня. Однажды я встрѣтилась съ молодою дамою, которой также не нравились карточные игры; она удивлялась этому какъ и я, отъ того ли что она въ этомъ дѣлѣ была также неопытна, или отъ того, что ея сердце исполнено нѣжныхъ чувствованій. Она чистосердечна, добра, умна и вѣжлива; присоедините къ этимъ милымъ достоинствамъ восемнадцатилѣтнюю весну ея жизни и — это будетъ сестра Императорскаго любимца — Княжна Долгорукая. Она влюблена въ брата Германскаго Посла; онъ щедро награжденъ природою, только ему нужно образовать свой умъ, чего онъ, надѣюсь, достигнетъ. Новая знакомка моя, кажется, желала бы вступить въ бракъ внѣ своего отечества и весьма обходительна съ иностранцами. Въ этомъ собраніи можно быть и не быть, ни кто васъ не спроситъ; ужинъ готовъ для тѣхъ, кто хочетъ остаться. Я воображаю, что здѣсь былъ бы самый лучший кругъ общества, еслибъ карты не были извѣстны.

Угадываю вашъ вопросъ, вы хотите знать о Русской вѣрѣ? Не зная здѣшняго языка, я не могла составить себѣ о ней основательныхъ понятій и потому скажу немного; вотъ что я замѣтила, находясь при крещеніи и обрученіи; въ первомъ случаѣ дитя погружали три раза въ сосудъ, съ водою; кумъ и кума, или крестный отецъ и мать, имѣли въ рукахъ по восковой свѣчѣ; по совершеніи погруженія Священникъ надѣлъ на дитя бѣлую рубашку; и потомъ прогоняя сатану, велѣлъ воспріемникамъ отречься за дитя отъ него и отъ